

На закате самодержавия

Передовые коллективы страны уже открыли счёт трудовых свершений в честь 70-летия Великого Октября, развернули социалистическое соревнование за достижение наивысших показателей. Это — зримое свидетельство того, что дело, ради которого шли на штурм Зимнего героя Октября, продолжается, живёт в людях сегодняшнего дня.

Трудно даже представить тот огромный путь, те свершения, которые произошли в жизни нашей страны, в жизни нашего народа за такой короткий срок как 70 лет. И сегодня невольно на память приходят годы, предшествующие Великому Октябрю, годы мрачной реакции после революционного подъёма 1905—1907 гг., последние годы самодержавия.

Церкви да монастыри...

Что представлял в то время наш маленький древний город Переславль? Один из переславских краеведов (М. И. Смирнов) писал: «Издали город производит впечатление большого и красивого. Первое, что бросается в глаза каждому подъезжающему к Переславлю, это его монастыри с белыми стенами и величественными храмами, обилием приходских церквей, и среди них фабричные трубы и корпуса. Летом в солнечные дни картина усиливается сверкающей поверхностью Плещеева озера, зеленью деревьев и окрестных лугов. Вблизи, после того, как обнаруживаются детали и город представляется во всей непосредственности, впечатление меняется. Получает преобладание будничная обстановка уездного города, и только памятники старины поддерживают первоначальное впечатление».

Действительно, на начало века в городе было пять монастырей, один из которых, Горичский, был превращён в духовное училище, а его Успенский собор стал городским собором, 21 приходская церковь, ещё три здания городских соборов, три бесприходные церкви (кладбищенская, тюремная, духовного училища). На улицах города часто можно было видеть священнослужителей и монахов, монашенок, нищих и калек, просящих подаяния. Старые переславцы помнили юродивого Мишу Самуила. Высокий, статный, в шапке чёрных кудрей, тихий и трезвый, он пользовался популярностью, но иногда на него находило и гневное настроение, он что-то бормотал, и этого трусливо боялись, как предвестия грядущей беды. Считали, что он может предсказать судьбу. Когда же он умер, его с почётом похоронили у алтарной апсиды церкви Троицкой слободы.

Трудно жилось рабочим городских фабрик: товарищества Переславской мануфактуры, Павловской красильной, Захряпина, маленьких вышивальных. Низкая заработная плата, рабочий день 10—12 часов, произвол фабричной администрации и хозяев. Крайне плохие жилищные условия (каморки или тесные холодные домишки), отсутствие нормальной медицинской помощи, культурных учреждений. Только у дворян был клуб дворянского собрания (сейчас Дом пионеров). А простому люду одна отрада — церковь, трактир, кабак. Не лучше была жизнь крестьян Переславского уезда.

Самодержавие, опираясь на весь правительственный аппарат, на церковь, используя систему образования, прессу, культурно-просветительные учреждения, стремилось убить память народа о революции 1905—1907 гг., оживить пошатнувшуюся веру в царя, поднять религиозность народа, отвлечь его от политической борьбы, разобщить. Только за 1906—1912 годы в стране было открыто 5,5 тысячи церквей и часовен. Увеличилось число религиозных мероприятий и в Переславле.

*Соболев, П. В. На закате самодержавия / П. В. Соболев // Коммунар. — 1986. — 20 декабря; 23 декабря; 24 декабря; 26 декабря. — С. 4; 4; 4; 4.

В ожидании царя

Большие надежды возлагало самодержавие на проведение торжеств, посвящённых 300-летию Дома Романовых. В их проведении активно принимал участие лично Николай II и его семейство. Для поднятия патриотических чувств у народа была составлена программа посещения царём ряда губерний России и в их числе Владимирской губернии, включая г. Владимир и старейшие города губернии — Суздаль и Переславль.

Руководство городской думы и земской управы были заранее предупреждены о наведении должного порядка и благоустройства в городе и уезде в тех местах, где будет проезжать и которые будет посещать царь и его свита. Нужно было сделать так, чтобы всё говорило о благоденствии и процветании города и уезда.

И деятельная подготовка началась. Прежде всего были осмотрены все дома, стоящие по дороге Москва—Ярославль. Ветхие дома (чтобы не очень оскорбили глаза монарха) было решено просто сломать. Мы сегодня не знаем, сколько таких домов было разобрано к царскому приезду, но об одном таком случае стоит рассказать. Ветеран труда фабрики «Красное эхо» 80-летняя пенсионерка Клавдия Петровна Синякова (Плотникова) рассказала:

У моих родителей Петра Алексеевича и Екатерины Ивановны Плотниковых была большая семья, нас, детей, было двенадцать человек (шесть мальчиков и шесть девочек), в то время самому старшему брату Павлу было 14 лет, а младшей сестрёнке шесть месяцев. Отец работал лудильщиком на фабрике Захряпных, но год назад умер — ему не было ещё и 40 лет. Жили мы тогда в своём доме на Московской улице рядом с домом торговца Сачкова (сейчас дом № 59 по улице Кардовского), у которого была своя пекарня, его баранки славились по Переславлю. Я ещё была мала, но помню, что рассказывала мать. Пришёл к ней чиновник из думы и говорит: ваш дом подлежит сносу. Мать испугалась, заплакала, говорит, почему же к сносу, он ещё крепкий, да и куда я денусь с ребятишками? Чиновник ей ответил, что скоро приедет государь-император, а ваш дом покосился и своим видом портит всю улицу. Мать плачет: куда же нам идти? А чиновник говорит: не плачь, найдём вам место.

Вскоре приехали две подводы, в одну погрузили наш скарб, а на вторую посадили всех нас и отвезли на Троицкую улицу (теперь Комитетская) в пустую баню, которая находилась в огороде сзади двухэтажного дома. И больше никакой заботы о семье Плотниковых не проявили несмотря на хлопоты матери. Прожили мы в этой бане года три, четверо детей из нашей семьи умерло, а потом нас пустил дальний родственник на квартиру в полуподвал. Один из братьев, Анатолий, имел хороший голос (тенор), ходил в церковный хор петь, за это немного платили. А при Советской власти окончил Московскую консерваторию и до конца жизни пел в хоре Большого театра.

За несколько дней до приезда царя началась проверка не только домов, но и дворовых построек, выходящих на улицу, по которой должен был проезжать царь. Это делалось с целью предупреждения каких-либо террористических актов в момент царского проезда, проверку вели жандармы и полицейские. Во время одной проверки произошёл такой случай — смотрели сарай при доме Иконникова, который держал трактир (этот дом и сейчас стоит на улице Московской под № 5, напротив поворота на с. Нагорье и «Ботик»). Иконников держал лошадь, и у него в сарае стоял полный сусек овса.

Почему он привлёк внимание жандарма и вызвал подозрение, сказать трудно, но тот стал металлическим щупом проверять сусек, вдруг щуп ударился о какой-то металл. Очевидцы рассказывали, что жандарм и полицейский со страха так и присели у сусека, но никакого взрыва не произошло, тогда они осторожно стали разгребать овёс и на дне обнаружили старую двухпудовую весовую гирию. Неудобно им было. А больше всего расстроился хозяин трактира дедушка Иконников, его обидело, что ему высказали такое недоверие, как будто бы он мог замыслить злодейство против помазанника божия — царя, уж кто-кто, а он крепко верил в бога и царя-батюшку.

Пребывание в городе царя

Но вот наступил и день приезда царя — 29 мая (5 июня) 1913 года. Специальный царский поезд остановился на железнодорожной станции Петровск, и царь с августейшими дочерьми (царица и наследник-цесаревич остались в поезде), свитой и охраной в открытых автомобилях по шоссе Ярославль—Москва последовал в Переславль. На границе между Ярославской и Владимирской губерниями (там стоит четырёхгранный столб с гербами губерний — Львом

и Медведем) царя встречал губернатор Владимирской губернии. Около 3 часов дня царский автопоезд прибыл к древним стенам Никитского монастыря.

Кто встречал царя? Предводители губернского и уездного дворянства, городской голова, дворяне из разных уездов губернии. Во главе встречавших в полном облачении были архиепископ Владимирский и Суздальский Николай (накануне получивший царскую награду — орден Александра Невского), епископ Муромский Митрофан в окружении священномонахов. От уездного земства и городской думы царю были поднесены хлеб-соль. После краткого молебна и осмотра достопримечательностей монастыря царский поезд без остановок проехал через город в Даниловский и Фёдоровский монастыри, где также были отслужены молебны, осмотрены старенькие иконы, утварь, после чего августейшее семейство со свитой проследовало в усадьбу владимирского дворянства — «Ботик». Здесь с приветственной речью выступил губернский предводитель дворянства Храповицкий, выразивший радость и верноподданнические чувства от лица дворянства губернии по случаю приезда государя. Предводитель переславского дворянства Табаровский преподнёс хлеб-соль. После этого царь и его дочери обходили присутствующих дворян. Августейшее семейство осмотрело ботик «Фортуна», памятник Петру I и через бельведер (специально выстроенный на северном обрыве парка) по красному сукну спустилось на берег озера. Предполагалось, что государь совершит прогулку на катере по озеру, но день был ветреный, и его величество на эту прогулку не решился, а только наблюдал за действиями потешных, которые продемонстрировали своё гребное искусство на пяти шлюпках. Затем царь снова поднялся в парк и принял приглашение откушать чай, который был приготовлен в Петровском дворце. В короткой речи Николай II поблагодарил дворянство за радушный приём. На кратком пути царский кортеж останавливался в Троицкой слободе, где царь осмотрел церковь и могилу юродивого Миши Самуила. Не свершись так скоро революция, в святцах православной церкви наверное появился бы святой Михаил Переславский.

А как простой народ встречал своего государя? Народ стоял по обе стороны дороги, по которой следовал царь и его свита. Впереди стояли наиболее проверенные люди (десятские), а сзади за народом — полицейские и жандармы. Архиепископ Николай, как глава епархии, проявил большую расторопность в деле участия священнослужителей и верующих во встрече государя. Он отдал распоряжение, чтобы по пути следования царя прихожане близлежащих церквей в лучших облачениях с иконами, крестами, хоругвями, святой водой и пением вышли к дороге. Все колокольни церквей встречали царский поезд перезвоном во все колокола. От блеска крестов, икон, облачений священнослужителей, колокольного звона картина получилась живописная. Раздавались разрозненные крики «Ура», «Боже, царя храни». Но всенародного ликования (как это было задумано) не получилось, было любопытство к невиданному зрелищу. Проезжающий царский кортеж священники окропляли «святой» водой. По рассказам старожилов, с одним из священников произошёл такой казус — священник Сретенской (Александра Невского) церкви отец Виктор Сергиевский от усердия так обильно окропил августейших дочерей, что они от страха присели в машине. Это было замечено, благочинный городских церквей А. Дилигенский получил замечание, а тот вызвал тишайшего отца Виктора и дал ему разгон за его несообразный поступок, чем поверг последнего в большую печаль. В седьмом часу вечера Николай II со свитой выбыл из Троицкой слободы и в 8 часов благополучно возвратился в Петровск.

Накануне Революции

В Переславле шестое воскресенье с петровских времён отмечалось торжественным крестным ходом на лодках на озеро Плещеево для водоосвящения. Это был праздник переславских рыбаков. Ритуал праздника был такой: с утра с колокольни городского собора слышался перезвон о сборе на крестный ход. Священнослужители всех городских церквей с иконами, крестами, хоругвями собирались к городскому собору, а оттуда шли к пристани на левом берегу Трубежа, у моста. У пристани уже стояли рыбацкие лодки, связанные по две и по три с настилом из досок (связни), на которых размещались священнослужители и все предметы религиозного культа. На специальных связнях помещался хор, а чаще — два хора певчих и оркестр духовой.

Все церковные мероприятия были направлены на усиление религиозного воздействия на простой народ с целью отвлечения его от неприглядной действительности, от революционных настроений, порождаемых непосильным тяжким трудом и полуничтожением существованием.

Но ни приезд царя, ни пышные церковные процессии, обедни, молебны, сладкогласное пение, колокольный звон не могли заглушить в народе чувство тревоги, неуверенности в завтрашнем дне, шли слухи о возможности войны. 1914 год подтвердил это, началась империалистическая война за передел мира, а для народа это была война «за веру, царя и отечество. Смело выдвинутые В. И. Лениным в самом начале войны задачи — борьба против войны, за поражение царя и его правительства в ней, за превращение войны империалистической в гражданскую и свержение самодержавия — большевики приняли без колебаний как свою боевую программу и разъясняли её рабочим.

Война прежде всего ударила по рабочим, многих кормильцев семей забрали на фронт, рубль обесценивался, росла дороговизна, хозяева фабрик усиливали эксплуатацию рабочих, прикрываясь повышением расходов, связанных с войной. Рабочие на это отвечали забастовками. Стачечное движение охватило и переславские предприятия. Объявили забастовку рабочие Переславской мануфактуры, она длилась 8 дней и оказала большое влияние на рабочие коллективы других предприятий города. В невиданно трудной обстановке началась и велась героическая борьба против самодержавия. Наша партия не только устояла, но, как показали дальнейшие события, хорошо подготовила рабочий класс к победе над русским царизмом в феврале 1917 года. А в октябре смело взяла власть в свои руки.

П. Соболев.